

Предисловия? Да кто их вообще читает?!

Это первое, что приходит на ум, когда редактор просит тебя написать предисловие к новому сборнику. А второе, застенчивое, — ну, я, например. Святая истина! И велика вероятность, что в этом деле я не одинок. Что ж, кажется, настало время представиться.

— Здравствуйте! Я — Олег, и я читаю авторские предисловия.

*в этот момент вы хором говорите:

— Здравствуй, Олег!

К слову, *писать* предисловия до этого мне не доводилось. У меня это впервые, так что будьте со мной понежнее.

Итак, предисловия все-таки кто-то да читает. Осталось разобраться — для чего?

Знаете, есть такая странная читательская особенность — отождествлять хоррор-автора с его текстами. Положа руку на сердце, могу с уверенностью сказать — никогда не слышал, чтобы читатель считал автора фэнтези хорошим мечником или славным укротителем драконов просто по определению. Или там детективщика — великим сыщиком, автора женской прозы — роковой красоткой, фантаста — капитаном звездолета. Нет такого. Зато обозвать хоррорщика больным ублюдком — как здрасте. Притом что в том же фэнтези авторы гробят народ целыми армиями, странами и даже расами. А в фантастике взорвать планету — все равно что чихнуть.

Так вот как раз из предисловия читатель может с удивлением узнать, например, что Подольский вовсе

не злобный садист, Кабир не молится козлоголовому божеству, а Матюхин не пытается в застенках доверчивых девушек. Впрочем... может и не узнать. Поймите правильно, я люблю этих парней, и как людей, и как авторов, но живьем вижу с ними крайне редко и никогда не бывал у них дома...

Хм-м-м... тогда так: из предисловий читатель может узнать, что основа для страшных историй зачастую оказывается совсем нестрашной. Я написал «Снегурочку» из одной-единственной фразы: «Горячим меня не кормите». Чудовищно душным летом, на даче, с маленьким плачущим ребенком на руках, я выбрал самую «холодную» сказку, какая только нашлась под рукой, и читал ее вслух множество раз. Дочка успокаивалась при звуках моего голоса, а зимняя сказка дарила мне мнимое ощущение прохлады. До сцены с костром, конечно же.

И вот, в очередной раз, фраза «горячим меня не кормите» повернулась под каким-то совершенно другим углом и стала основой рассказа, разорвавшего первую «Чертову дюжину» в далеком 2013 году. Видите, как все просто? Хотя... взглянуть на простые вещи под «страшным» углом может далеко не каждый. Тут нужен особый склад ума. Дьявол! Похоже, мы, хоррорщики, все-таки большие ублюдки. Бойтесь нас!

Снова непоняточка. Так для чего все же нужны предисловия? И что ищут те, кто в них заглядывает? Мне кажется, они хотят услышать авторский голос. По крайней мере, я открываю предисловия именно за этим. Ведь в историях за автора говорят его герои. Он перевоплощается в них, проживает их жизни, ощущает их ужас и, в редких случаях (мы ведь все еще говорим о хорроре, да?), испытывает их триумф. И только в предисловии – ненадолго становится самим собой...

Стоп! Получается, что чистому авторскому голосу отводится лишь пара страниц звучания. Эй! Почему

так мало? Я ведь еще не рассказал о каждом рассказе, о ценности трудолюбия и переоцененности вдохновения, о том, какую музыку слушаю, какие напитки предпочитаю и о тварях, чьи глаза никогда не видели солнца. Впрочем, о последних расскажут мои герои. Те, которым посчастливится выжить. Мне же редактор намекает, что пора закругляться.

Так, попробую по-быстрому представиться еще раз. Слушайте мой голос, и не заметите, как вместо меня начнут говорить другие, населившие страницы этой книги, оживленные вашим воображением.

— Привет! Я — Олег, и я люблю рассказывать страшные истории. Их у меня полный шкаф. Я слышал, ты ищешь именно такие? Ну так вот...

Снегурочка

На первый взгляд Маррь ничем не отличалась от других заброшенных карельских деревушек. Полтора десятка кособоких приземистых домиков, прилипших к обеим сторонам дороги, больше напоминающей временно пересохшее русло бурной реки. Такие места, с легкой руки остряка Лешки Ильина, группа называла «ненаселенными пунктами». Два дня назад они оставили за спиной сразу три таких «пункта». Еще один миновали не далее как вчера. Не было никаких оснований ожидать, что в пятой, наиболее удаленной от цивилизации, деревне еще остались люди. Бог — он троицу любит. Про пятерки никто не говорил.

И все же Сергей Иванович Потапов привел группу в Маррь. Потому что упоминание в монографии Гревингка — это вам не фунт изюму! Сложенная вчетверо ксерокопия брошюры лежала в нагрудном кармане потаповской «энцефалитки», возле самого сердца, и стучала там как пресловутый «пепел Клааса».

— Да поймите вы! Это же тысяча восемьсот пятидесятый год! — вещал он на каждом привале, размахивая перед Аленкой и Лехой мятыми перепачканными листами. — Афанасьев эту легенду только через девятнадцать лет запишет! А у Гревингка — вот! Даром что геолог!

Потапов шлепал распечаткой по колену и с видом победителя поправлял очки. Малочисленная группа не спорила. Меланхолично пожимала плечами, хмыкала неоднозначно и продолжала заниматься своими делами. Алена Виртонен, большая аккуратистка и умничка, перепакывала рюкзак, стремясь достиг-

нуть какой-то запредельной эргономичности, а Лешка Ильин неловко пытался ей помогать. Студенты не разделяли восторгов своего руководителя. Подумаешь, самое раннее упоминание легенды о Снегурочке! Если бы кто-то из них заранее знал, что до зачета — неделя пешего пути... В первую же ночевку Сергей Иванович невольно подслушал, как Лешка, жалуясь Алене на стертую ногу, бросил в сердцах:

— Манал я такие «автоматы»! Ну, Потапыч, зараза лысая!

А сейчас лысину Потапова нещадно пекло июньское солнце, от которого не спасала даже бандана. В Маррь они вошли чуть за полдень, когда светило включилось на полную мощность. На единственной улице не было ни души. Стук и зычные крики, исторгаемые Лехиной глоткой по поводу и без, увязали в плотной пелене тишины, стелющейся от дремучего леса, кругом обступившего деревню. Однако опыт подсказывал Потапову, что Маррь все же живая. Во-первых, в воздухе отчетливо пахло дымом. Не едким костровым, а более мягким, печным. Во-вторых, стекла в большинстве изб хоть и заросли грязью, но стояли. Мертвые дома, как и люди, в первую очередь лишаются глаз. Только не птицы их выклевывают, а ветер. Ну и в-третьих... где-то недалеко жалобно бляла коза.

— Ау! Есть кто живой?!

Леха забарабанил кулаком в высокие посеревшие от времени ворота с ржавым кольцом вместо ручки. Заборы здесь ставили из наглухо подогнанных друг к другу досок, почти в два человеческих роста. Не то что редкозубые оградки, догнивающие свой век в пройденных «ненаселенных пунктах». Пытаясь заглянуть во двор сквозь щель в воротах, Потапов мягко оттеснил Лешку в сторону.

— Эй, хозяйева, есть кто дома?! — Сергей Иванович вложил в голос максимум почтения. — Мы этнографическая экспедиция...

Никто не ответил. Потапов прислушался. Показалось, или за забором действительно заскрипела приоткрывшаяся дверь? Стянув бандану, он обмахнул прелею лысину и стер капельки пота над верхней губой.

— Сергей Иванович,— Аленка деликатно дернула его за рукав,— местный житель на горизонте.

С противоположного конца деревни, вывернув из-за сарая с провалившейся крышей, плелась одинокая фигура — рыхлая женщина с нечесаными патлами, скрывающими широкое лицо. Покрытые синяками и ссадинами полные руки безвольно повисли вдоль тела. Окутанные облачками пыли босые ноги шлепали по засохшей земле. В такт мелким семенящим шагам подпрыгивали обвислые груди, прикрытые одной лишь грязной ночной рубашкой. Другой одежды на женщине не было.

— Ого! С утра выпил — день свободен! — гоготнул Лешка.— Интересно, чем это мадам так упоролись? Тормозухой, что ли?

Сергей Иванович сделал пару шагов навстречу и точно мантру повторил:

— Мы этнографическая экспедиция! Доброго дня вам!

Никакой реакции. Взгляд женщины, направленный сквозь троицу этнографов, уходил куда-то вдаль, теряясь в густом лесу. Грязные ноги, живущие отдельной от тела жизнью, выворачивались под самыми необычными углами, отчего казалось, что движется женщина благодаря одной лишь инерции. Сбросив рюкзак на землю, Лешка пошел ей навстречу.

— Леш, да не трогай ты ее! На фиг, на фиг... — в голосе Алены послышалась брезгливость.— Больная какая-то...

— Да погоди, ей, по ходу, плохо совсем,— отмахнулся Ильин.— Эй! Эй, тетя!

Ни тогда, ни потом Потапов так и не почувствовал опасности. Вплоть до момента, когда исправить что-

то стало уже невозможно. Опасность? Это ясным-то днем?!

Вблизи толстуха в ночнушке оказалась весьма рослой. Головы на полторы выше Лешкиных ста восьмидесяти. Поравнявшись с парнем, она подняла руки, словно предлагая обняться. Неугомонный Ильин, вполголоса выдав какую-то пошлую шутку, попытался отстраниться. Суетливо, нервно. Видно, сумел разглядеть что-то за шторкой грязно-белых волос. Нечто такое, во что и сам не сразу поверил. А потом уже попросту не осталось времени. Совсем. Пухлые ладони одним невероятно быстрым и выверенным движением свернули Лешке шею.

Треск сломанных костей показался Потапову таким громким, что заложило уши. Эхо страшного звука металось над притихшей деревней, рикошета от мрачных елей, как пинбольный шарик. Где-то совсем рядом заорал какой-то мужик. Потапов не сразу осознал, что этот перепуганный рев вылетает из его глотки, а сам он уже мчится к упавшему в пыль Лешке. В спину хлестнул тонкий визг Алены, наконец сообразившей, что произошло. На полном ходу Потапов налетел на толстуху, угодив костлявым плечом аккурат между обвислых грудей, и, не удержавшись на ногах, повалился сверху на рыхлое, студенистое тело. От удара Сергей Иванович прикусил язык, очки слетели с носа и утонули в высохшей колее. Женщина под ним извернулась, неожиданно мягко и плавно вильнув бедрами, словно подталкивая к соитию. Несмотря на весь ужас ситуации, Потапов отстраненно почувствовал, как обгоревшие на солнце щеки заливает краска смущения. Отталкиваясь руками, он попытался подняться...

...и глупо застыл, в миссионерской позе нависнув над сбитой женщиной. Их лица разделяло меньше полуметра. На таком расстоянии Потапов прекрасно видел даже без очков. Но поверить увиденному

не мог. Под ним лежал не человек. Грубое лицо существа покрывали короткие, напоминающие щетину прозрачные волоски, под которыми легко просматривалась ноздреватая пористая кожа. Грязно-белые патлы смело на затылок, обнажив вывернутые ноздри, острые звериные уши и бессмысленный мутный глаз цвета зятого болота. Один. Прямо посреди лба. Жуткую морду на две неравные части разделяла тонкая щель беззубого рта. Она медленно распаивалась, обрастая неровными треугольными зубами, широкими и крепкими. А Потапов, как загниотизированный, смотрел и не верил глазам.

Больно вдавив кадык, горло Потапова перехватили толстые пальцы. Лишившись воздуха, он наконец затрепыхался, тщетно пытаясь отодрать обманчиво слабые руки. Под рыхлыми телесами скрывались стальные мышцы. Перед глазами учителя заплясали фиолетовые круги. Непрекращающиеся крики теперь долетали до него будто через толстое ватное одеяло. В ушах звенело. Лишенное кислорода тело зашлось мелкой дрожью. Пытаясь вырваться, он бестолково молотил кулаками бледную тварь и что-то хрипел. В какой-то момент Потапову послышалось, как в дрожащий Аленкин визг вплетается встревоженный старческий голос — предсмертный кульбит паникующего мозга. А через секунду грубые тиски на горле разжались, дав дорогу потоку восхитительного свежего воздуха. Голова взорвалась разноцветной вспышкой, горло разодрал жгучий кашель, и Потапов завалился на бок, больно приложившись головой о твердую землю. Он понимал, что сейчас, в непосредственной близости от смертельной опасности, не самое подходящее время, чтобы терять сознание. Но когда невидимые руки подхватили его с двух сторон и потащили прочь, Сергей Иванович все же благодарно нырнул в черную бездну беспмятства.

Сквозь щели забранных ставнями окон на грязный пол падал свет. День вошел в полную силу: полутемную избушку со всех сторон пронзали солнечные спицы. Пролетающие сквозь них пылинки вспыхивали волшебными искрами. Во дворе залиvisto чирикали дерущиеся воробьи. Где-то на краю деревни хрипело радио «Маяк»...

За высоким забором молчаливо топталась бледная погань.

Покачав кудлатой седой головой, дед Хилой отодвинулся от окна. Видимо, не доверяя ставням, для верности задернул его занавеской. В доме страшно воняло падалью, однако ни у кого даже мысли не возникло попросить распахнуть окна. Эпицентр смрада, похоже, находился где-то в кухне, но заходить туда не хотелось совершенно.

— Мужика хочет, — косясь на Потапова, сказал хозяин. — У ней щас самая пора, етись.

Их спаситель оказался крепким высоким стариком, удивительно подвижным для своих лет и габаритов. Повадки и действия его напоминали матерого первоходца, чей форт осаждают кровожадные индейцы.

— Что ж она Лешку тогда... — закончить Потапов не сумел. Всклипнул по-бабьи и откинул голову назад, крепко приложившись затылком о бревенчатую стену. Боль отрезвляла, не давала забыть, что происходящее с ними реально.

— А того, что поперву — еда! А опосля уж все остальное. — Дед Хилой назидательно покачал узловатым перстом. — И что вам дома не сидится, туристы, в бога душу...

— Сказки собирать приехали, — ядовито ответила Аленка.

Она поразительно быстро пришла в себя. Едва ускользнувший от смерти Потапов, забившись в

угол, трясся осиновым листом, а девчонка, всего час назад визжавшая так, что лопались стекла, воинственно расхаживала по комнате, примеряя к руке то изогнутую кочергу, то увесистое полено, сдернутое со сложенного возле печки дровяника. Не удовлетворившись, вынимала из кармана складной нож и принималась проверять, легко ли выходит лезвие. Она жаждала действия. Дед Хилой со своего табурета наблюдал за Аленкиными манипуляциями, посмеиваясь в бороду.

— Ты, девонька, шилом своим ее разозлишь только. От стали в таких делах од...

— Что она такое?! — перебила Алена.— Леший? Йети? Кикимора какая-нибудь?

Этот вопрос она задавала каждые пять минут. Дед Хилой отмалчивался. Вот и сейчас, недовольно зыркнув на непочтительную соплюху, он просто закончил начатую фразу.

— ...одна польза — горло себе перерезать, чтобы живьем не взяла.

Виртонен резко обернулась к Потапову.

— Бежать надо,— выпалила она.— Вернемся с помощью и раскатаем эту мразь...

Сергей Иванович испуганно икнул. Сама мысль о том, чтобы выйти наружу, снова ощутить сверлящий взгляд одинокого глаза... почувствовать себя мясом... Спина его неосознанно вжалась в ошкуренные бревна. Глядя на суетящуюся девчонку, дед Хилой недоверчиво выгнул брови, в который раз уже покачал нечесаной башкой и скрылся в кухне.

— Рванем со всех ног! Она же плетется как дохлая кобыла! — присев возле учителя, Виртонен схватила его за плечи.— Она нас хрен догонит! Давай, Потапыч, миленький! Рюкзаки бросим и рванем...

В запале Алена даже не заметила, что назвала преподавателя по прозвищу. Глаза ее лихорадочно горели, изломанные в походе ногти царапали кожу

Потапова даже сквозь куртку. Напрягшиеся мышцы поджарого девичьего тела излучали нерастраченную энергию. Для себя Виртонен уже все давно решила. Сергей Иванович опустил голову, пряча взгляд среди разошедшихся досок давно не метенного пола.

— Тряпка! — брезгливо выплюнула Аленка.

Больше она не произнесла ни слова. Деловито распотрошила рюкзак, откладывая в сторону самое необходимое. Распихала по карманам пакетики с орехами и изюмом, полулитровую бутылку кипяченой воды, складной нож и спички. Длинный «полицейский» фонарик оставила в руке, накинув петлю на запястье. Решительно отбросила засов и шагнула на улицу, так ни разу и не взглянув на сжавшегося в углу Сергея Ивановича.

На шум открывшейся двери из кухни выглянул дед Хилой. Безучастно оглядел комнату: Потапова, разоренный рюкзак, распахнутую дверь. Потом кивнул и сказал:

— Не пошел? Правильно сделал.

— У меня мениск поврежден,— поспешил оправдаться Сергей Иванович.— А у Алены разряд по легкой атлетике! Я темпа не выдержу, а так...

— Сдохнет,— равнодушно перебил дед Хилой.— Хоть так, хоть этак.

Шурша заскорузлыми шерстяными носками по полу, он прошаркал к двери, но не закрыл ее, а остался стоять в проеме, козырьком приложив руку ко лбу.

— Позапрошлой зимой Лиша шестерых мужиков положила. С ружьями и собаками. Трех уже в лесу догнала, и снегоходы не помогли. Эт она только на солнышке квелая, а ночью скачет — что твоя коза! А уж зимой...

Потрясенный Потапов встал и опасливо подошел к своему спасителю. С высокого порога крохотная Маррь отлично просматривалась в обе стороны. Сергей Иванович как раз успел заметить, как скрылась

между елок ярко-красная курточка Алены Виртонен. Следом за ней с огромным отставанием плелось существо, голыми руками убившее Лешку Ильина.

— Как... — Потапов нервно сглотнул.— Как вы ее назвали?

Дед Хилой смерил учителя хмурым взглядом из-под разросшихся седых бровей.

— Сказки, говоришь, собираешь? — невпопад ответил он.— А слышал такую: жили-были старик со старухой, и не было у них детей. Уж сколько они Христу ни молились — все без толку! А как пошли они в лес дремучий, старым богам поклонились, вылепили себе дитяню из снега, так и ожила она. Подошла к ним да молвит: «Тятенька, маменька, я теперича дочка ваша, оберегать вас стану. Только горячим меня не кормите — растаю!» Обрадовались дед с бабкой да назвали девчонку...

— Снегурочкой... — шепотом закончил Потапов.

Дед Хилой кивнул. У кромки леса мелькнула в последний раз и исчезла грушевидная фигура женщины в грязной ночнушке.

— Далеко не убежит.— Старик отнял руку от морщинистого лба.— К утру назад воротится. Пойду-ка к Тойвовне схожу, мукой одолжусь, раз такая оказия.

Кряхтя от усердия, дед Хилой натянул резиновые калоши и ушел. К соседке. За мукой. Как будто мир по-прежнему оставался нормальным.

Дед Хилой вернулся с берестяным лукошком, в котором, помимо муки, оказалась пыльная литровая банка и мешочек с неизвестным содержимым. Привычно заложив засовом толстую дверь, старик скинул калоши и отправился на кухню. Потапов набрал побольше воздуха в легкие и отправился туда же, с головой нырнув в смердящий воздух. Источник тухлого

запаха обнаружился сразу: жестяной таз, стоящий в самом углу, за печкой. А точнее, его содержимое — пяток ворон со свернутыми шеями. По черным перьям лениво ползали жирные личинки, при виде которых желудок Потапова подпрыгнул к горлу. Глядя на побледневшего учителя, дед Хилой прикрыл таз пыльным мешком.

— Ты морду-то не криви, сказочник! Эта пададь тебя от смерти спасла... а может, и от чего похуже.

Осторожно высунув нос из-под ладони, Потапов наконец решился вдохнуть. Не сказать чтобы воздух очистился, но делать было нечего.

— Разве может быть что-то хуже?

— Кому как, — философски заметил старик. — Оно, может, и впрямь ничего хуже смерти нет. Да вот только помирать, опосля себя целый выводок одноглазых щенков оставляя... мне б совсем тоскливо было. Дети — они ж страшнее семи казней египетских. А Лиховы дети...

Хилой замолчал, укладывая в топку нарезанную щепу и бересту. Чиркнула спичка, и огонь проворно перепрыгнул на маленький деревянный шалашик. Белый дым потянулся было к дверце, но быстро опомнился и устремился кверху. Загрузив печь дровами, дед Хилой захлопнул дверцу. Эмалированный чайник звякнул закопченным дном, встав на плиту. Под напором засаленной открывалки с принесенной банки слетела крышка. В острой вони гниющей птичьей плоти проклюнулась тонкая нотка клубничного аромата.

— Вот. Тойвовна гостюшке передала. — Старик подвинул к Потапову чайную ложку и блюдце со сколотым краем. — Тебе, значит. Почаевничаем. Это снегуркам горячего нельзя, а нам...

— Вы сказали, что это... — Чтобы не смотреть на укрытый мешком таз, Потапов сел вполоборота. — ...Что это меня спасло. Как?